

In the concert arena, three permanent series of the IRMO, Koussevitzky, and Koussevitzky matinees, as well as several mixed evenings, began. The programs of the first IRMO and Koussevitzky gatherings were very similar: the first part was devoted to a memorial service for A. K. Lyadov, and the second to symphonies by Tchaikovsky (at Koussevitzky) and Rachmaninoff (IRMO).

These two-time commemorations, separated from each other by only three days and held under the management of such large and diverse conducting forces, such as Mr. Koussevitzky and Rachmaninoff led me to some thoughts that I want to share with readers, although I feel very awkward. The fact is that in the accepted custom of "saying nothing but good things about the dead" there is much that is valuable, and yet I want now to somewhat dispute the artistic value of those very Lyadov miniatures that I personally have long been accustomed to love. The idea of the need for some re-evaluation was prompted by the fact that people with the most diverse artistic convictions took away from the two Lyadov memorial services the general sentiment - "it was a bit boring". And it was just (more boring) in the concert under the direction of Rachmaninoff, who always knew how to emphasize the musical significance of any score, to reveal the very depth of musical thought. What does this mean? One can only think that in Lyadov's miniatures the element of sound painting, elegance and fine embossing is brought to the forefront to the detriment of the beauty of the structure and the depth of thought. Lyadov's music is charming, delightful, but in more or less large portions it is tiring. Thoughts alternate with kaleidoscopic speed, they do not develop into a harmonious picture capable of keeping the listener interested for a long time, they do not excite, do not touch deeply and in style itself are not devoid of monotony (I willingly exclude the picture "From the Apocalypse", but here too, despite some special mood, the logic of form is not grasped, which makes it possible to refresh and deepen the smoothly developing sound fabric of the piece). Once again, I repeat: I love Lyadov very much, but obviously the genre of self-sufficient miniature is good only in connection with truly high, great art and is devoid of elements of lasting impact and deep impressionable force.

It was said above that Mr. Koussevitzky's program was generally more successful, and that a somewhat more external approach to the performance—a trait always characteristic of Mr. Koussevitzky as a conductor—helped to make the impression more vivid. On the other hand, Mr. Rachmaninoff's picture "From the Apocalypse" and the tenderly sad piece "Nénie," performed from the manuscript, were excellent. I will not write about the details of the Russian symphonies played in these concerts because they are well known.

[Translation: Google]

Въ концертной области состоялось начало трехъ постоянныхъ серій ИРМО, Кузевицкаго и утренниковъ Кузевицкаго и нѣсколько смѣшанныхъ вечеровъ. Программа первыхъ собраній ИРМО и Кузевицкаго сильно похоту дили другъ на друга: первое отдѣленіе было отдано поминкамъ Ан. К. Лядова, а второе симфоніямъ Чайковскаго (у Кузевицкаго) и Рахманинова (ИРМО).

Эти двукратныя поминки, отдѣленные другъ отъ друга всего тремя днями и прошедшія подъ управленіемъ такихъ крупныхъ и разнородныхъ дирижерскихъ силъ, какъ г. Кузевицкій и Рахманиновъ, навели меня на нѣкоторыя мысли, которыми я хочу по-дѣлиться съ читателями, хотя чувствую большую неловкость. Дѣло въ томъ, что въ при-нятомъ обычаѣ «о мертвыхъ не говорить ни-чего, кромѣ хорошаго» есть много цѣннаго, и все-таки я хочу сейчасъ нѣсколько оспа-ривать художественную цѣнность

тѣхъ са-мыхъ лядовскихъ мініатюръ, которыя я лично привыкъ любить издавна. На мысль о необходимости произвести нѣкоторую переоцѣнку навелъ меня тотъ фактъ, что самые разнообразныя по убѣжденіямъ художественнымъ люди вынесли съ двукратныхъ лядовскихъ поми-нокъ общее настроеніе - «было скучновато». И какъ разъ (скучнѣе было въ концертѣ подъ управленіемъ Рахманинова, всегда умѣющаго подчеркнуть музыкальную значимость любой партитуры, вскрыть самую глубь музыкальной мысли. Что это значитъ? Думается только то, что въ лядовскихъ мініатюрахъ элементъ звукописи, изящества и тонкой чеканки выдвинутъ на первый планъ въ ущербъ красотѣ строенія и глубинѣ мысли. Лядовская музыка очаровательна, прелестна, но въ болѣе или менѣе крупной порціи она утомляетъ. Мысли смѣняются съ калейдоскопической быстротой, онѣ не развиваются въ стройную картину, способную длительно ин-тересовать слушателя, онѣ не волнуютъ, не задѣваютъ глубоко и по стилю самому не лишены однообразія (охотно исключая картину «Изъ Апокалипсиса»), но и здѣсь не-смотря на особенное какое-то настроеніе не улавливается логика формы, то что даетъ возможность освѣжить и углубить плавно развивающуюся звуковую ткань піесы). Еще разъ повторяю: я очень люблю Лядова, но очевидно жанръ самодовлѣющей мініатюры хорошъ лишь въ связи съ настоящимъ высокимъ, большимъ искусствомъ и лишень элементовъ длительного воздѣйствія и глубокой впечатлительной силы.

Выше сказано, что у г. Кусевицкаго программа въ общемъ прошла удачнѣе, что нѣсколько болѣе внѣшній подходъ къ исполняемому-эта черта всегда свойственна г. Кусевицкому, какъ дирижеру - помогъ живости впечатлѣнія. За то у г. Рахманинова отлично удалась картина «Изъ Апокалипсиса» и ласково-печальная піеса «Nénie», исполненная по рукописи. О русскихъ симфоніяхъ, сыгранныхъ въ этихъ концертахъ писать не буду изъ за ихъ общеизвѣстности.